

борьбы и военно-политического сотрудничества СССР и Великобритании в ходе войны, стала настоящим историческим бестселлером. В этой связи уместно привести слова д.и.н., проф., государственного советника 1-го класса В.А. Золотарёва, что “в наше время документально достоверное воссоздание важнейших событий истории антигитлеровской коалиции, великого, но недолговечного союза стран и народов, спасшего мир от угрозы фашистского порабощения *требует больших знаний и профессионального мастерства*” (с. 327).

О.А. Ржешевский ввел в научный оборот целый пласт источников не только из отечественных, но и зарубежных архивов по истории международных отношений и войн XX в., без которых сегодня невозможно представить современную историческую науку. Как отмечает академик Ю.А. Поляков, благодаря О.А. Ржешевскому в исторической науке была поставлена новая проблема “геополитических и цивилизационных причин возникновения войн двадцатого века и обострения межсоюзнических противоречий в переходный период от войн к миру”, что позволило по-новому взглянуть на эти сложные и ключевые для истории новейшего времени процессы (с. 10).

В приветствии Министерства Обороны РФ О.А. Ржешевскому ко дню рождения от-

мечается: “Ваши научные труды и публикации по истории войны и геополитики заслужили мировое признание и широко используются в Вооруженных Силах при проведении военно-исторической работы”

Широко известна активная общественная деятельность О.А. Ржешевского по борьбе с распространением фальсификации истории Великой Отечественной войны. Отнюдь не случайно едва ли не личным врагом назвал его в заявлении, рассчитанном на мало знакомых с историей нашей страны читателей, известный фальсификатор истории В.Б. Резун (В. Суворов).

И немного личного. Я работала несколько месяцев вместе с Олегом Александровичем и знаю высокую цену его моральных качеств. Имея большое сердце, он с большим уважением и вниманием относится к людям, независимо от их ранга и статуса. Надолго запомнится и моя защита диссертации, на которой он ярко выступил как оппонент.

Пожелаем Олегу Александровичу Ржешевскому многих лет здоровья и пополнения школы талантливых учеников!

А. М. Матвеева,

кандидат исторических наук

Московский педагогический государственный университет

П.В. Стегний. “ПРОЩАЙТЕ, МАДАМ КОРФ”. ИЗ ИСТОРИИ ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕКАТЕРИНЫ II. М.: “Международные отношения”, 2009, 392 с.

Автор рецензируемой книги – доктор исторических наук П.В. Стегний, знаток дипломатических архивов, авторитетный специалист по эпохе Екатерины II¹ и одновременно действующий дипломат, в настоящее время – Чрезвычайный и Полномочный посол России в Израиле. Его новая книга посвящена одному из ключевых эпизодов Французской революции 1789 – 1799 гг. – так называемому Вареннскому бегству королевской семьи в июне 1791 г. и выяснению возможной причастности к этому тайной дипломатии Екатерины II. В действительности проблематика книги гораздо шире. По существу, автор попытался предложить свое объяснение причин крушения тысячелетней монархии во Франции, после-

довавшего вскоре после неудачного бегства Людовика XVI и его семьи в Варенн.

Вареннская драма издавна привлекала внимание не только историков, но и литераторов. На эту тему написаны многие десятки монографий, книг из разряда исторической беллетристики и романов. П.В. Стегний свободно ориентируется в обширной историографии этого, до сих пор окончательно не проясненного несколькими поколениями исследователей вопроса. Им досконально изучена вся имеющаяся по этой теме мемуаристика, тома переписки прямых и косвенных участников Вареннской истории, а также многочисленные документальные публикации, осуществленные во Франции и в других странах. Особую ценность в источниковой базе монографии П.В. Стегния представляют впервые широко вводимые автором в научный оборот доку-

¹ См.: *Стегний П.* Хроники времен Екатерины II. 1729–1796 гг. М., 2001.

менты их Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), составляющие самостоятельный раздел “Эмиграция” в хорошо известном предыдущим исследователям фонде “Сношения России с Францией”. Речь идет о богатейшей подборке писем и дипломатических документов за период с 1790 по 1804 г. – переписка принцев и видных деятелей роялистской эмиграции с русским двором, черновики и копии ответных писем Екатерины II и Павла I. Эта подборка, обнаруженная П.В. Стегнием в 2003 г., включает в себя 631 документ, из которых 490 относятся к екатерининскому царствованию. П.В. Стегнию, безусловно, принадлежит приоритет в научном освоении этого уникального собрания документов, раскрывающих “потайное, осуществлявшееся параллельно с деятельностью официальных представителей России в Париже, Вене, Лондоне взаимодействие Екатерины II с деятелями Кобленца, что существенно расширяет диапазон оценок тех мотивов, которыми руководствовалась российская императрица при формировании и осуществлении своей политики в отношении французских Бурбонов” (с. 21).

В советской, да и в зарубежной, историографии долгое время бытовало убеждение в непосредственной причастности Екатерины II к организации бегства королевской семьи из революционного Парижа. Основанием для этого служил тот факт, что король и члены его семьи бежали с паспортами, выписанными российским послом во Францию И.М. Симолиным для русской подданной, баронессы А.Х. Корф с детьми и слугами. В свое время, автору этих строк, изучавшему переписку И.М. Симолина с Екатериной II, удалось доказать несостоятельность обвинений по адресу русского посла в пособничестве побегу короля. Никаких прямых улик на этот счет в архиве тогда не было обнаружено. Более того, Симолин оправдывался не только перед французскими властями, но и перед своей императрицей в непричастности к побегу короля, чем, надо сказать, навлек на себя неудовольствие Екатерины.

Однако, неизвестные ранее документы, обнаруженные П.В. Стегнием в архивной подборке “Эмиграция”, дали ему основание предположить, что, наряду с официальной дипломатией, Екатерина II в своей политике в отношении Бурбонов использовала тайную дипломатию, которая могла быть, по меньшей мере, информирована о готовящемся побеге короля (с. 342–343). Правда, это предположение нуждается в дополнительном документальном подтверждении.

Представляются весьма интересными и другие предположения П.В. Стегния, относя-

щиеся к Вареннскому бегству, в частности, его версия о том, что о готовящемся побеге из Тюильри могли знать некоторые революционные лидеры, в частности, генерал М.-Ж. Лафайет. Данная версия не покажется столь абсурдной, если, следуя логике П.В. Стегния, предположить, что бежать должен был не король, а Мария-Антуанетта. В самом деле, Людовик XVI после 14 июля 1789 г. как будто обнаруживал готовность принять революцию и сотрудничать с ней, что вызывало решительное сопротивление со стороны королевы, ставшей одной из главных фигур контрреволюции. С учетом того негативного, с точки зрения Лафайета и других либералов, влияния, которое королева оказывала на Людовика XVI, ее удаление из Парижа накануне принятия в июле 1791 г. конституции могло показаться командующему Национальной гвардией не только приемлемым, но даже желательным решением. “Побег королевы, возможно даже с детьми, но без короля, – пишет автор, – мог казаться ему (Лафайету. – П. Ч.) меньшим злом по сравнению с возможным отказом короля по наущению “австриячки” от утверждения Конституции” (с. 384).

Конечно, это только предположение, но оно основано у П.В. Стегния на целом ряде косвенных подтверждений, а также необъяснимых действий тех, кто осуществлял охрану Тюильри (с. 247–270). Для последних, и, прежде всего, для самого Лафайета, известие о том, что вместе с Марией-Антуанеттой бежал и король, прозвучало как гром среди ясного неба. Были приняты все меры для того, чтобы вернуть беглецов в Париж.

Автор обращает внимание читателя и на недопустимые “несстыковки” в действиях заговорщиков, которые должны были обеспечить успешный выезд королевской семьи, но, по каким-то причинам, не сделали этого (с. 270–320).

Так или иначе, но, как справедливо полагает П.В. Стегний, неудачное бегство Людовика XVI из Парижа в ночь с 20 на 21 июня 1791 г. и их последующий арест в Варенне, предопределили “дальнейший ход революционных событий во Франции” (с. 11). Именно в контексте общей логики революции и рассматривает автор трагедию в Варенне. “Наша тема – подчеркивает он, – политическая интрига как орудие и сущность революции” (с. 24).

Скрупулезно исследуя все обстоятельства Вареннской истории, предпринявшей падение монархии во Франции, П.В. Стегний датирует ее истоки апрелем 1770 г., когда был заключен так называемый австрийский брак между будущим королем Людовиком XVI и эрцгерцогиней Австрийской и Лотарингской Марией-

Антуаной (Антуанеттой), закрепивший союз Франции и Австрии, который оформился еще накануне Семилетней войны (1756–1763 гг.). Этот союз, по мнению автора, стал стержневой политической идеей царствования Людовика XVI, предопределив во многом его несчастное окончание. “Бурбонов сгубила, конечно, не столько дружба с Габсбургами, – полагает П.В. Стегний, – сколько ставший ее следствием развал Вестфальской системы, обеспечивавшей с середины XVI в. поддержание балансов в европейской политике. “Ниспровержение альянсов” 1756 г. подвело черту под бывшей со времен Короля-Солнца ролью Франции как гаранта континентальной стабильности” (с. 387).

В первой главе работы, посвященной австрийскому браку, прослеживается участие Марии-Антуанетты в определении государственной политики, снискавшее ей неприязненное отношение в обществе. “Монархии не умирают, они вырождаются”. Эта мысль автора (с. 33) полностью применима и к последним французским Бурбонам, внесшим свою лепту в дискредитацию Старого порядка. П.В. Стегний показал это на примере громкого скандала с бриллиантовым ожерельем Марии-Антуанетты (1785–1786 гг.), “с которого, собственно, и начался ее путь в Варенн, а затем и на эшафот” (с. 24). Этой известной истории, которую автор обогатил множеством новых деталей и подробностей, посвящена вторая глава книги.

В третьей главе автор через призму дворцовых и прочих интриг прослеживает возникновение предреволюционного кризиса, завершившегося крушением Старого порядка в 1789–1791 гг. “С процесса об ожерелье начался обратный отчет времени, отведенного историей для французской монархии, – констатирует П.В. Стегний, и продолжает: “Существует, по-видимому, глубокая внутренняя взаимосвязь между десакрализацией королевской власти, произошедшей в результате процесса над кардиналом Роганом, и провалом предложенного Калонном в феврале 1787 г. плана преобразования финансов. В мае 1787 г. была распушена Ассамблея нотаблей. Представители нации, оправдавшие Рогана по вполне заслуженному им обвинению в оскорблении Величества, заблокировали и наиболее последовательную из предпринимавшихся в царствование Людовика XVI программ оздоровления финансов, продемонстрировав опасную разбалансированность механизмов межсловных и внутрисловных сдержек и противовесов” (с. 183).

Одновременно, как справедливо замечает автор, в роли могильщиков Старого порядка

в предреволюционный период выступили и убежденные сторонники монархии, которые зачастую не отдавали себе отчета в своих действиях. Сама королева, дискредитированная скандалом с ожерельем, как полагает П.В. Стегний, в это время переходит к проведению самостоятельной, не обязательно согласованной с супругом политики, в которой “инстинкт самосохранения соединяется с взаимно противоречивыми целями спасения и французской монархии, и австро-французского союза” (с. 383). Все силы внутренней контрреволюции сосредоточиваются на том, чтобы не допустить принятия королем Конституции. Организация бегства Людовика XVI из Парижа становится главным средством предотвратить такую угрозу. Клубок интриг, связанный с Вареннским бегством, автор распутывает в четвертой главе.

Завершающая глава этой захватывающе интересной и талантливо написанной книги посвящена отношению Екатерины II к драматическим событиям, происходившим в 1791–1792 гг. в Париже, о чем уже говорилось выше. Высказанные автором соображения и предположения должны побудить последующих исследователей, как, впрочем, и самого П.В. Стегния, к новым поискам в зарубежных архивах.

В рецензируемой книге, пожалуй, впервые в мировой историографии предпринята попытка посмотреть на обстоятельства гибели Старого порядка во Франции в необычном ракурсе – через призму политической интриги европейского масштаба, завязавшуюся еще в начале 1770-х годов. Не исключено, что историкам из академической среды такой подход может показаться поверхностным и недостаточным. В самом деле, причины крушения Старого порядка многообразны, и не могут быть сведены к интриге каких-то реально существовавших и тем более – таинственных сил. Возможно, кому-то покажется преувеличенными значение и роль, которые автор отводит союзу Бурбонов и Габсбургов в судьбе предреволюционной Франции. Но ведь П.В. Стегний ничего такого и не утверждает. Он предупреждает читателя: “изложенная нами версия драмы в Варенне – не более чем попытка привести в соответствие известные на сегодняшний день факты” (с. 386). К этому можно было бы добавить, что в ряде случаев давно известные факты получают иную, неожиданную и интересную интерпретацию под влиянием новых документов, привлеченных автором.

Высоко оценивая рецензируемый труд, хотелось бы высказать некоторые замечания.

Жаль, что вне поля зрения П.В. Стегния остались последние работы современных отечественных исследователей Французской революции – Л.А. Пименовой, Д.Ю. Бовыкина, А.В. Чудинова и др., в которых, так или иначе, рассмотрены вопросы, относящиеся к изучаемой автором теме.

Иногда автор чрезмерно увлекается распутованием клубка интриг, в лабиринте и в деталях которых недостаточно подготовленный читатель может растеряться.

Кому-то, наверное, может показаться излишней для исторического труда частая перекличка П.В. Стегния, пишущего о событиях последней трети XVIII в., с современностью, определенный оттенок публицистичности книги. Но это сознательный ход действующего дипломата, считающего, что такое право ему дает собственный опыт последних десятилетий. “Перестроечные и постперестроечные годы обнажили такие пласты глубинных конфликтов, ярких характеров, прерванных и обретенных традиций, безвозвратных потерь и неожиданных прозрений, что это не могло не обострить наше историческое зрение” (с. 22).

Книга П.В. Стегния хорошо, можно сказать изящно, оформлена. Тем более досадно было обнаружить разночтение в ее названии. На корешке обложки и на титульном листе, в подзаголовке написано: “Из истории тайной дипломатии Екатерины II”, а в выходных данных – “...Екатерины Великой”.

В целом же можно констатировать, что П.В. Стегний предложил собственное, оригинальное прочтение “вареннской загадки”. Его интересные выводы, глубокие наблюдения, неожиданные и вместе с тем обоснованные предположения, безусловно, станут толчком для активизации исследований по этой, казалось бы, давно изученной теме, в которой, оказывается, больше вопросов, чем ответов. Рецензируемая книга существенно обогащает отечественную и мировую историографию завершающего периода в истории Старого порядка во Франции, эпохи Французской революции конца XVIII в., а также внешней политики Екатерины II.

П.П. Черкасов,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

А. Давидсон. Я ВАС ЛЮБЛЮ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ. М.: изд-во “МИК”, 2008, 336 с.

Рассматриваемая книга д.и.н., проф. А.Б. Давидсона относится к редкому жанру. Сам автор с определенной долей иронии к мемуарам (самому субъективному виду исторических источников, требующему критического осмысления) назвал их “мемойрес”. И хотя мемуары обычно эгоцентричны, а их авторы, даже если они пишут о других людях и событиях, говорят больше о себе, А.Б. Давидсону в основном удалось избежать присущего жанру субъективизма.

Эта книга – о времени и о себе. Она о сочувствии и соучастии, о сотрудничестве и сопричастности. Она о пережитом, о любимом. О любимых людях и книгах; о том, как формируется личность и как рождаются интересы и увлечения, о востребованности (и невостребованности) людей и идей. Это книга о родных и друзьях, об Учителях (с большой буквы) и коллегах, о тех, кого уже нет, и тех, кто рядом; об атмосфере в стране и научной среде; о войне и мире; о

любви и творчестве. Это воспоминания и исповедь человека и гражданина, интеллектуала, историка и африканиста, романтика и жизнелюба.

Автор видел войну глазами подростка и благодаря обостренному мироощущению, помнит то, что нельзя забыть, и то, что помнят немногие: прочитанное, увиденное, услышанное, всколыхнувшее душу; радость общения и боль утраты, вкус, звук, запах.

Полифония и полихромия памяти позволяет воссоздать ту атмосферу духовности, которая сохранялась не в стране – в семье – и помогала выживать. И ее не могли разрушить ни ссылки, ни репрессии, ни война, ни голод, ни гонения на интеллигенцию и “безродных космополитов”.

Книга А.Б. Давидсона вместила огромное количество имен, известных и мало известных. Это ученые и писатели, государственные и политические деятели, российские и зарубежные. С одними автор с юности дружил, как